

Майя
Волчкевич

«ТРИ СЕСТРЫ»

ДРАМА
МЕЧТАНИЙ

Майя Анатольевна Волчкевич «Три сестры». Драма мечтаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55342275

«Три сестры». Драма мечтаний:

ISBN 978-5-98604-348-7

Аннотация

Книга посвящена «вечным» вопросам пьесы А.П. Чехова «Три сестры», вот уже более ста лет волнующих режиссеров, исполнителей и зрителей. Автор размышляет об «утаённом» прошлом семьи Прозоровых, повлиявшем на настоящее и будущее героев, о «необыкновенных» мечтаниях и «обыкновенной жизни» чеховских персонажей. Книга адресована всем, кого интересует творчество Чехова и его присутствие в современном мире.

Содержание

Действующие лица	5
Глава первая	7
Глава вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Майя Анатольевна
Волчкевич
«Три сестры».
Драма мечтаний**

© М.А. Волчкевич, 2013 г.

Действующие лица

Прозоров Андрей Сергеевич.

Наталья Ивановна, его невеста, потом жена.

Ольга

Маша

Ирина

его сёстры

Кулыгин Федор Ильич, учитель гимназии, муж Маши.

Вершинин Александр Игнатъевич, подполковник, батальонный командир.

Тузенбах Николай Львович, барон, поручик.

Солёный Василий Васильевич, штабс-капитан.

Чебутыкин Иван Романович, военный доктор.

Федотик Алексей Петрович, подпоручик.

Родэ Владимир Карлович, подпоручик.

Ферапонт, сторож из земской управы, старик.

Анфиса, нянька, старуха 80 лет.

Действие происходит в губернском городе.

Глава первая

Необыкновенное воспитание, или почему Прозоровы не любят вспоминать о своем отце?

Действие начинается фразой Ольги Прозоровой: *«Отца умер ровно год назад <...>»*. Дальше она рассказывает, что было холодно, шел снег, а сестра Ирина лежала в обмороке, как мёртвая. Правда, тут же Ольга добавляет, что теперь вспоминает об этом легко.

Генерал скончался в день именин младшей дочери. Однако для его детей этот праздник, кажется, не омрачен воспоминаниями о потере и горе. В доме много гостей, вечером обещан именинный пирог.

Это особенно странно, потому что сёстры то и дело говорят о приметах и суевериях. Маша боится шума в печке, рассказывает, как перед смертью отца гудело в трубе. Ирина гадает и раскладывает пасьянс. Когда Ольга начинает говорить о том, как ей страстно хочется на родину, в Москву, Маша, задумавшись, насвистывает песню. Ольгу это возмущает: *«Не свисти, Маша. Как это ты можешь!»* – упрекает она сестру. Однако никому из Прозоровых не приходит в голову отменить именины. Может быть, они не любят память

о своем отце?

Нежная Ирина, которой исполнилось двадцать лет и лицо которой сияет, откликается на реплику сестры об отце не просто равнодушно, а почти грубо: *«Зачем вспоминать!»* Очевидно, что Ирина не хочет вспоминать, и Ольгу это не удивляет. Ольга и сама, едва упомянув об отце и его кончине, начинает говорить о единственно важном, что её утешает и волнует – о Москве.

Время для неё существует лишь в таком измерении – то, что было в Москве и что было после: *«Одиннадцать лет прошло, а я помню там всё, как будто выехали вчера. Боже мой! Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно»*.

В разговорах Прозоровых город их детства, само детство существуют отдельно от отца, как будто его и не было тогда. Ирина признаётся, что она проснулась в день именин и почувствовала радость, и вспомнила детство, *«когда еще была жива мама»*. Отец же, который там много уделял внимания дочерям и сыну, загадочная фигура умолчания. Или критики.

Андрей, едва познакомившись с гостем, подполковником Вершининым, спешит сообщить ему: *«Отец, царство ему небесное, угнетал нас воспитанием. Это смешно и глупо, но в этом всё-таки надо сознаться, после его смерти я стал полнеть и вот располнел в один год, точно мое тело осво-*

бодилось от гнёта». Однокоренные слова «гнёт» и «угнетать» стоят рядом в этом высказывании. Очевидно, что своему необыкновенному детству и юности Прозоровы готовы предъявить весьма нелицеприятный счет.

Прозоровы еще очень молоды – Ирине исполнилось 20, Андрею не должно быть больше 23–24, Маше – лет 25–26. Ольга говорит о себе – *«мне двадцать восемь лет»*. Никто из них, кроме Ольги, четыре года работающей учительницей в гимназии, еще никак не проявил себя. Надо признать, что необычны Прозоровы прежде всего воспитанием, в котором отец сыграл ключевую роль.

~ ~ ~

Так что же за человек был генерал Прозоров? О характере, о натуре, о привычках отца впрямую не говорит ни один из его детей. Но есть многозначительные детали и косвенные намеки.

Когда Ольга в начале первого действия вспоминает о похоронах, она рассказывает: *«Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генерал, командовал бригадой, между тем народу шло мало»*. Вопрос, отчего так мало людей захотело проститься с их отцом, как будто повисает в воздухе. Правда, Ольга добавляет, что был дождь тогда, сильный дождь и снег.

Если исходить из признания Чехова, что в «Трёх сёстрах»

изображен город «вроде Перми», то холодная весна не должна казаться природной аномалией. Но вряд ли только погода виной тому, что народу шло мало. Особенно, если учесть, что в окружении Прозорова преобладали военные, которых трудно испугать снегом в начале мая. Предположение, что не так уж много людей любило своего командира бригады, кажется неизбежным.

Что если он походил на командира из рассказа «Поцелуй»: «В коляске, на паре белых лошадей, прокатил бригадный генерал. Он остановился около второй батареи и закричал что-то такое, чего никто не понял. К нему поскакали несколько офицеров, в том числе и Рябович.

– Ну, как? Что? – спросил генерал, моргая красными глазами. – Есть больные?

Получив ответы, генерал, маленький и тощий, пожевал, подумал и сказал, обращаясь к одному из офицеров:

– У вас коренной ездовой третьего орудия снял наколенник и повесил его, каналья, на передок. Взыщите с него.

Он поднял глаза на Рябовича и продолжил:

– А у вас, кажется, нашильники слишком длинные...»

И этот придирчивый генерал, и главный герой рассказа штабс-капитан Рябович, «маленький, сутуловатый офицер, в очках и с бакенами как у рыси», конечно, прототипичны по отношению к «Трёх сёстрам».

В драматургии Чехова немало фигур прошлого, глухо упоминаемых в настоящем. Однако они бросают тень на будущее и даже определяют его. Можно сказать, что столь значимое присутствие прошлого в настоящем является драматургическим приемом Чехова.

История героев «Чайки», «Дяди Вани», «Вишнёвого сада» – это полускрытая семейная хроника, последствие тлеющих претензий, скандалов и катастроф. Аркадина никогда не упоминает о своем муже, а её сын Треплев стыдится своего происхождения и записи в паспорте – «киевский мещанин». Нина Заречная находится целиком во власти отца и мачехи, потому что её покойная мать отчего-то оставила своё огромное состояние мужу и обделила дочь.

Иван Петрович Войницкий отказался от своей части наследства в пользу сестры и посвятил всю свою жизнь чужому человеку, своему зятю. Сын сенатора, ценящий науку и просвещение, добровольно превратил себя в управляющего имением, торговца сеном и пшеницей.

Такому же служению и обожанию Серебрякова предались его теща Мария Васильевна и дочь Соня. Семья Войницких в полном составе являет собой удивительный, неразгаданный феномен самопожертвования и отречения от себя, и трудно винить в этом коллективном безумии лишь профес-

сора Серебрякова.

Владельцы вишнёвого сада, Раневская и Гаев, постоянно зывают к теням прошлого. Но так и остается неизвестным, кто был муж Раневской, не дворянин, тот, что «умер от шампанского»? Как и почему появилась в доме Раневской и Гаева приемная дочь Варя? В пьесе «Три сестры» скрытые умолчания о прошлом родителей играют особую роль.

~ ~ ~

Можно предположить, что хотя генерал Прозоров и сделал карьеру, военная среда едва ли была исполнением его мечтаний. Возможно, выбор рода деятельности был продиктован не призванием, но нуждой или необходимостью самому пробивать себе дорогу. Для мальчика из небогатой или даже бедной семьи кадетский корпус, а затем училище давали иногда единственную возможность казенного обеспечения и социального роста.

На то, что Прозоров вышел из бедного сословия указывают то, что у его детей нет никакого наследства, кроме пенсии отца и дома, в котором он жил. В отличие от «Дяди Вани» и «Вишнёвого сада», у героев нет землевладений, имений или богатых родственников, подобных ярославской бабушке.

Мир «Дяди Вани» и «Вишнёвого сада» полон челяди и приживалов – неременной части помещичьей, обеспеченной жизни. А в доме Прозоровых, как вспоминает Маша, не

было даже слуг, всю грязную работу брали на себя денщики отца. На «домашний» обиход военные определенного ранга получали дотации и очевидно, что генерала этот порядок вполне устраивал. От прошлого Прозоровым осталась лишь нянька Анфиса. Такой уклад, равно как и то, что всем своим детям генерал внушал мысль о необходимости трудиться, говорит о привычке экономить даже в малом и рассчитывать лишь на свои силы и возможности.

Прозоров был командиром бригады, то есть бригадным генералом. Это – самое невысокое из генеральских званий Российской империи, что не умаляет трудности его достижения. Вершинин говорит, что когда он служил в Москве, то полковник Прозоров был его начальником, батарейным командиром. Следуя порядку чинопроизводства второй половины XIX – начала XX века, офицеры должны были прослужить в каждом чине не менее четырех лет. Продвижение по службе выше полковничьего звания зависело исключительно от образования, заслуг или усмотрения начальства.

В XIX веке большая часть офицеров имела специальное военное образование. Окончание военных академий создавало предпочтительные условия для производства в высшие офицерские и генеральские чины.

Можно с большой уверенностью утверждать, что полковник Прозоров, столь блестяще продолживший свою карьеру, закончил Академию Генерального штаба или иную академию.

Учеба в академии, которая находилась в столице России, Петербурге, открывала перед её выпускниками блестящие перспективы. Именно потому так трудно было поступить в неё. Существовала жесткая квота, экзамены были очень строгими. Несмотря на это, процент генералов, выходцев из податного сословия (крестьян, мещан) был достаточно высок. Офицеры составляли при поступлении и сдаче экзаменов серьёзную конкуренцию друг другу. Однако, в мирное время, это был едва ли не единственный шанс вырваться из рутинной жизни провинциального гарнизона и нижних офицерских чинов.

~ ~ ~

Знаменитая повесть А.И. Куприна «Поединок» (1905) рисует довольно унылую, давящую атмосферу армейских буден полка, расположенного в забытом Богом местечке. Обязанности младших офицеров сводятся здесь лишь к бессмысленной муштре солдат и подготовке к смотрам, а досуг заполнен неизбежными попойками, адюльтерами и мелкими стычками.

Младший современник и знакомец Чехова Александр Куприн сам был выходцем из обедневшей семьи, закончил кадетский корпус, затем военное училище. Служба в чине подпоручика в Днепровском пехотном полку дала ему материал для описания жизни русской армии в глубинке. Глав-

ный герой повести, младший офицер Ромашов, грезит как об избавлении об академии: «И в нём тотчас, точно в мальчике <...> закипели мстительные, фантастические, опьяняющие мечты. «Глупости! Вся жизнь передо мной», – думал Ромашов, и в увлечении своими мыслями, он зашагал бодрее и задышал глубже. – Вот назло им всем, завтра же с утра засяду за книги, подготовлюсь и поступлю в академию. Труд! О, трудом можно сделать всё, что захочешь».

Мечтание об иной жизни, о столице владеет не только Ромашовым, но и женой сослуживца Ромашова, Шурочкой. «Я не могу, не могу здесь оставаться, Ромочка! <...> Остаться здесь – это значит опуститься, стать полковой дамой, ходить на ваши дикие вечера, сплетничать, интриговать и злиться по поводу разных суточных и прогонных <...> Поймите же, милый Ромочка, что мне нужно общество, большое настоящее общество, свет, музыка, поклонение, тонкая лесть, умные собеседники. Вы знаете, Володя пороху не выдумает, но он честный, смелый, трудолюбивый человек. Пусть он только пройдет в генеральный штаб, и клянусь – я ему сделаю блестящую карьеру».

Герои «Поединка», написанного через пять лет после премьеры «Трёх сестёр», живут той же жизнью, что и военные в пьесе Чехова. Есть тут и пьяница-философ, отдаленно напоминающий Чебутыкина; пошлячка Раиса, знаменитая любовными связями с младшими офицерами; а также ограниченный, томящийся своей незначительностью муж Шуроч-

ки, подобно Солёному, не потерпевший «счастливого соперника». В такой обстановке даже поединок, дуэль представляется ярким событием, разрядкой от мертвящей пошлости.

Очевидно, что честолюбивый глава семейства Прозоров не хотел такой жизни ни для себя, ни для своих детей. Можно только догадываться, какие усилия он приложил (если только он изначально не обладал протекцией и связями), чтобы оказаться и обосноваться в Москве. Казалось бы, он сам и его семья обрели то самое существование, о котором страстно мечтают герои повести Куприна, заброшенные в местечко, «которого нет ни на одной географической карте».

Прозоровы жили на Старой Басманной. Для Ольги, Ирины и Маши это родной город, где они родились и росли. Друзьями и гостями их дома, судя по воспоминаниям детей, были военные.

Удивительно иное – получив особенное (в масштабах огромной российской империи с её тысячами медвежьих углов и забытых Богом местечек) положение, чеховский герой пожелал совершенно другой участи для своего сына и даже своих дочерей. И она никак не было связано с военной службой, армейской карьерой для единственного сына Андрея или блестящей партией для дочерей Ольги, Ирины и Маши.

Мечтание Прозорова выдает в нём натуру незаурядную, деятельную и глубоко неудовлетворенную той судьбой, что выпала ему самому. По сути, в своих детях Прозоров решил воплотить, как выражаются сегодня, некий масштабный про-

Какими же знаниями должны были овладеть дети Прозорова по представлению отца? В этой домашней системе образования, судя по всему, предпочтение отдавалась гуманитарным предметам. Особенно иностранным языкам. Благодаря отцу Андрей и сёстры знают французский, немецкий и английский языки, а Ирина *«еще и итальянский»*.

Кроме того, Маша блестяще (как уверяют те, кто слышал её игру), музицирует на рояле, а Андрей играет на скрипке. И при этом ни один из детей Прозорова не знает определенно, зачем отец обучал всему этому и чего он хотел достичь такой методой.

Конечно, дети Прозорова посещали классическую гимназию.

Только её окончание давало право Ольге преподавать в гимназии, а Андрею – поступить в университет. Упоминается в пьесе, что Кулыгин был гимназическим учителем Маши.

В 1871 году министром просвещения России была проведена реформа среднего образования с целью сделать мужские гимназии прежде всего классическими, где упор делался на изучение древних языков. Латинскому языку отводилось наибольшее количество часов в неделю. Изучался греческий язык. Причем количество часов, отведенных на эти

языки, было гораздо большим, чем на французский и немецкий. Латынь преподавалась и в женских гимназиях (кроме так называемых «Мариинских»).

О строгих учителях – латинистах, об изнуряющих переводных и выпускных экзаменах, страхе перед провалом вспоминали все, чьи гимназические годы выпали на вторую половину XIX – начало XX века. Автор «Трёх сестёр», ученик таганрогской гимназии, в пятом классе «завалил» переэкзаменовку по греческому языку и был оставлен на второй год.

Неслучайно чеховский Беликов, «человек в футляре», наводящий тоску и страх на целых город своим «как бы чего не вышло» – учитель греческого. Преподаватель «мертвых» языков и Кулыгин, муж Маши.

Таким образом, кроме гимназии с её строжайшей программой, Ольга, Маша, Ирина и Андрей Прозоровы должны были учиться и дома. Причем их «учитель» явно был человеком ревностным и не ведающим снисхождения. Отчитавшись Вершинину о том, сколько языков они знают благодаря отцу, Андрей со вздохом добавляет: *«Но чего это стоило!»* Ольга говорит, что отец приучил детей вставать в семь часов и даже сейчас Ирина просыпается в это время и, по крайней мере, два часа лежит и о чём-то думает.

В русской литературе не так уж много примеров, когда бы отец занимался воспитанием и образованием своих отпрысков.

В романе «Война и мир» старый князь Николай Болконский верит, «что есть только два источника людских пороков: праздность и суеверие, и что есть только две добродетели: деятельность и ум». Он сам ведает воспитанием своей дочери. Несмотря на то, что в начале романа княжне Марье уже двадцать лет, отец не только дает ей уроки алгебры и геометрии, но и ранжирует всю её жизнь по часам.

Занятия старого князя и его дочери выразительно представлены в сцене урока: «Княжна испуганно взглядывала на близко от неё блестящие глаза отца; красные пятна переливались по её лицу, и видно было, что она ничего не понимает и так боится, что страх помешает ей понять все дальнейшие толкования отца, как бы ясны они ни были. Виноват ли был учитель или виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же: у княжны мутилось в глазах, она ничего не видела, не слышала, только чувствовала близко подле себя сухое лицо строгого отца, чувствовала его дыхание и запах и только думала о том, как бы ей уйти поскорее из кабинета и у себя на просторе понять задачу. Старик выходил из себя: с грохотом отодвигал и придвигал кресло, на котором

сам сидел, делал усилия над собой, чтобы не разгорячиться, и почти всякий раз горячился, бранился, а иногда швырял тетрадью».

Болконский расписывает не только учебу, но и все занятия своей дочери. Так, в двенадцать часов дня предписывалась обязательная игра на клавикордах. Упомянуто, что к инструменту княжна Марья пошла «с испуганным видом».

Герой романа Тургенева «Дворянское гнездо», Лаврецкий, англоман и оригинал, решает сделать из своего двенадцатилетнего сына «человека» и «спартанца». «Исполнение своего намерения Иван Петрович начал с того, что одел сына по-шотландски: двенадцатилетний малый стал ходить с обнаженными икрами и с петушьим пером на окладном картузе; шведку заменил молодой швейцарец, изучивший гимнастику до совершенства; музыку, как занятие недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественные науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совету Жан-Жака Руссо, и геральдика, для поддержания рыцарских чувств, – вот чем должен был заниматься будущий «человек»; его будили в четыре часа утра, тотчас окачивали холодной водой и заставляли бегать вокруг высокого столба на веревке; ел он раз в день по одному блюду, ездил верхом, стрелял из арбалета; при всяком удобном случае упражнялся, по примеру родителя, в твердости воли и каждый вечер вносил в особую книгу отчет прошедшего дня и свои впечатления; а Иван Петрович, с своей стороны, писал ему на-

ставления по-французски, в которых он называл его *mon fils* {мой сын (франц.)} и говорил ему *vous* {вы (франц.)}. По-русски Федя говорил отцу: «ты», но в его присутствии не смел садиться».

Тургенев пишет, что такая «система» сбила с толку мальчика, поселила путаницу в его голове, притиснула его. Младший Лаврецкий боится своего отца, как и княжна Марья чувствует неизменный страх перед родительской методой. Федор Лаврецкий и княжна Марья настолько «притиснуты» своими родителями, что оказываются отделенными от своих сверстников, чуждыми обыкновенной жизни своего сословия. Оба ощущают себя чужаками, жертвами капризной воли. Тем более, что они лишены материнской любви.

Однако в обоих романах речь идет о домашнем, «усадебном» воспитании молодого аристократа и аристократки первой половины XIX века. Детство, проведенное в дворянском гнезде, особенно, если его хозяева, как старик Болконский или Иван Лаврецкий, предпочитали не знаясь с соседями, способствовало искусственному уединению детей и располагало к необыкновенным методам образования.

~ ~ ~

Отрочество молодых Прозоровых пришлось на совсем иное время – конец XIX века. Они росли в столичном, затем в губернском городе. Посещали гимназию, в доме быва-

ли гости, сослуживцы отца. Да и принадлежали они совсем иной социальной среде. Кроме того, Лаврецкий и Болконский не обременены каждодневной службой. Тогда как Прозоров по роду деятельности должен был проводить большую часть времени на плацу или в казармах. Однако это ничуть не помешало ему отдаться причудливому взращиванию своих детей. В частности, в пьесе не упоминаются гувернантки, неизбежная фигура в семействах, где растут дочери. Тем более, что они потеряли мать.

Героев-«воспитателей» из произведений Толстого, Тургенева и Чехова роднит то, что каждый из них тяготел не к благу, чтобы ни говорил старик Болконский о добродетели, а Лаврецкий о «новом человеке», но, может быть, избывание некой обиды и собственная недовоплощённость.

Не исключено, что в этой обиде – исток муштры и гнета, упоминаемого Андреем Прозоровым. Как часто бывает, домашние тираны едва ли готовы признать жесткость и даже бессмысленность ритуалов, которые они навязывают своим детям. Поэтому гимны полезной деятельности, спартанству, труду характерны в этом случае. Если прочесть насквозь текст пьесы Чехова, то поражает, насколько навязла в сознании Ирины идея о труде как о панацее и великой радости.

~ ~ ~

Отчего молодая девушка, которой едва минуло двадцать,

в свои именины долго рассуждает не о нарядах, кавалерах или своих мечтах, но о том, что «человек должен трудиться»? Она произносит довольно пафосный, как сейчас бы сказали, но вполне искренний монолог о том, как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге.

Конечно, здесь можно усмотреть влияние идей народничества или учения Толстого – в интеллигентской среде они были особенно популярны в последней четверти девятнадцатого века. Но нежная Ирина не только не имеет никакого представления о том, что такое физический труд, но даже никогда не работала в своей жизни. Равно как и Маша и вчерашний студент Андрей.

В её речах, кроме того, что их отличает понятная наивность и восторженность, слышится особенная интонация. Ирина вовсе не говорит, подобно героине «Дома с мезонином», о вине перед народом или о том, что образованный человек обязан помогать бедным и обездоленным. Молодая богатая помещица Лидия Волчанинова корит художника за то, что тот в своих полотнах не изображает народных нужд. Сама Лида увлечена земской деятельностью, «аптечками и библиотечками».

Художник отвечает на это: «Не то важно, что Анна умерла от родов, а то, что все эти Анны, Мавры, Пелагеи с раннего утра до потемок гнут спины, болеют от непосильного труда,

всю жизнь дрожат за голодных и больных детей, всю жизнь боятся смерти и болезней, всю жизнь лечатся, рано блекнут, рано старятся и умирают в грязи и в вони; их дети, подрастая, начинают ту же музыку, и так проходят сотни лет, и миллиарды людей живут хуже животных – только ради куска хлеба, испытывая постоянный страх».

По мнению героя, весь ужас положения в том, что некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своем образе и подобию; голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые обвалы, загородили им все пути к духовной деятельности, именно к тому самому, что отличает человека от животного и составляет единственное, ради чего стоит жить.

Получается, что в своей наивности Ирина грезит даже не об освобождающем, а именно об угнетающем труде, том, что губит миллиарды людей. Она в своем пафосе доходит до странного в её устах уподобления: *«Боже мой, не то что человеком, лучше быть волком, лучше быть простою лошадыю, только бы работать, чем молодой женичиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно!»* Ирина восклицает, что как в жаркую погоду иногда хочется пить, так ей захотелось работать. И просит Чебутыкина отказать ей в дружбе, если она не будет рано вставать и трудиться. В этом гимне неведомому ей рабскому труду интересны лишь предпосылка и вывод.

Ирина завела весь этот разговор лишь потому, что ей по-

казалось, что теперь «всё ясно на этом свете» и она знает, как надо жить. Её беспокоит, что после смерти отца она не знает, как надо жить, она изменила прежним привычкам – теперь она поздно встает, пьет в постели кофе и два часа одевается. И такая «роскошь» кажется ей ужасной. Художник в «Доме с мезонином» говорит о том, что животная жизнь загораживает человеку путь к духовной деятельности. Ирина тоже мучительно ищет, ради чего стоит жить, но её искусственные мечтания далеки и от «аптечек и библиотечек» Лидии Волчаниновой, и от идеи свободного труда, которую проповедует художник.

Фраза о том, что хорошо быть волом или простой лошады, нельзя назвать даже мечтанием. Скорее это заклинание, отчаяние перед открывшейся пустотой и незнанием. Недаром слово «знаю» в сочетании со словом «жить» так часто звучит в этой пьесе. Очевидно, что мысль о необходимости труда была внушена героям пьесы с детства. Ею оправдывалось то, что им приходилось рано вставать, много заниматься и следовательно – от многого отказываться.

«Три сестры», пожалуй, самая автобиографическая пьеса Чехова. Помимо почти очевидных прототипических моментов, явственны несколько глубинных коллизии семьи Чеховых. Особенно, внушаемое и вбиваемое в детей буквально и в переносном смысле слова заклинание о труде. Они слышали с самых ранних лет: трудитесь! трудитесь! трудитесь!

Сентенциями о труде заполнены письма отца из Москвы

к сыну-подростку, оставленному в Таганроге. Разоренный своей недалекновидностью, долго не имевший службы, Павел Егорович по-прежнему внушал сыну Антону: «Старания да труды, отбросить леность, тогда и деньги являются сами являются к нам к услугам», «Слава Богу, ты почти все трудности учения прошел, остается еще один год потрудиться и благополучно окончить, без трудов и забот никто на свете не живет», «Труд, жизнь твоя есть труд...» По делу и без дела он говорил и писал детям: «Молитесь, учитесь и трудитесь!» Знаменитое «Росписание делов и домашних обязанностей для выполнения по хозяйству семейства Павла Чехова, живущего в Москве» определяло, кому и когда вставать, ложиться, обедать, ходить в церковь, чем заниматься в свободное время. В этом родительском указе, как в кривом зеркале, отразилась своеобразная метода воспитания и образования. Не подобная системе упомянутых героев Тургенева и Толстого, но тоже претендовавшая на то, чтобы управлять жизнью своих детей, решать за них, что им делать и что изучать.

~ ~ ~

Зачем и для чего их выучили тем же иностранным языкам, они не знают. Характерно, что «учебный» план Прозорова был одинаков для всех четверых детей: дать им исключительные знания и добиться в этом совершенства. Из Ма-

ши, вероятно, растили выдающуюся музыкантшу, Андрею предназначалась профессорская карьера. Ирина должна была удивлять знанием четырех иностранных языков.

Но сообразовывался ли отец с их склонностями и способностями? Равно как и с тем, как его дети будут применять свои познания и понадобятся ли они им.

А уж мысль о желаниях своих детей и их планах на настоящее и особенно на будущее, по-видимому, даже не приходила Прозорову в голову. Ирина рассказывает гостям, что отец был военным, а его сын, Андрей, избрал для себя ученую карьеру. *«По желанию папы»*, – тут же добавляет сестра Маша. Будущий профессор ни слова не говорит о том, чего он желает для себя сам и желает ли вообще.

Несомненно, что дети Прозорова прожили год после кончины отца по инерции, следуя заведенному распорядку. Но душа и тело каждого из них почувствовала некое освобождение. Об этом толкует Андрей: *«Это смешно и глупо, но в этом всё-таки надо сознаться, после его смерти я стал полнеть и вот располнел в один год, точно мое тело освободилось от гнета»*. Это освобождение вселяет тревогу в Ирину, которой не надо теперь рано вставать и которой явно хочется той самой обыкновенной праздничной жизни, которой она не знала. Даже старшая сестра Ольга, отцовское влияние на которую должно было быть особенно сильным, чувствует себя не в своей колее. Она единственная в семье, кто воплощает тоску по труду в действие – преподает в гимна-

зии. Однако Ольга жалуется: *«Оттого, что я каждый день в гимназии и потом даю уроки до вечера, у меня постоянно болит голова и такие мысли, точно я уже состарилась. И в самом деле, за эти четыре года, пока служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и силы, и молодость».*

Ольга – молодая женщина и проработала в гимназии лишь четыре года. Усталость и рутина еще не могли одолеть тоской её душу, а привычка много трудиться должна была бы ей помогать. Но она измучена и истощена так, будто занимается нелюбимым делом уже лет двадцать. В известном смысле это так. На отцовские «штудии» было потрачено слишком много жизненных сил в детские и отроческие годы.

Зачем Ольга трудится в гимназии, а потом еще до вечера дает уроки? Если исходить из материального положения семьи (в наследство от отца остался дом, его дочери получают пенсию), то такое рвение продиктовано чем-то иным и что-то скрывает.

~ ~ ~

Прозоровы никогда не знали нужды. Жалованье учительницы гимназии также позволяло обеспечивать своё существование. Работа с утра до вечера выдает привычку всегда быть занятой и подспудный страх остаться наедине со своими мыслями и своими желаниями. Но уже в начале пьесы

очевидно, что труд не просто не приносит Ольге никакой радости, но что служба ей совсем не по душе.

Не по душе настолько, что благовоспитанная добрая учительница может говорить лишь о том, как она сердита на девочек, своих учениц. Очевидно, что они её раздражают. Ольга во время именин произносит знаменательную фразу: *«Вот сегодня я свободна, я дома, и у меня не болит голова, я чувствую себя моложе, чем вчера».*

Получается, что труд связан для неё с головной болью и ощущением старости, а свобода (то есть возможность остаться дома) – с хорошим самочувствием. И тогда закономерна следующая фраза: *«Всё хорошо, всё от бога, но мне кажется, если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то было бы лучше».*

В этом признании поражает не само стремление быть замужем, иметь семью, вполне понятное для барышни 28 лет эпохи конца XIX века. Но то, что для Ольги замужество – это единственно законное основание целый день сидеть дома. И что так для неё *«было бы лучше».*

По сути, Ольга, Ирина и Андрей находятся в томящем ужасе – жить как прежде, при отце, заведенным им порядком, уже не получается. Но как жить своей волей – им неизвестно. Машу эта тоска, по-видимому, настигла раньше, вскоре после замужества.

Казалось бы, их должны поддерживать необыкновенные знания, отличающие от жителей провинциального города.

Более того, оно должно давать им уверенность в своем будущем – отец обеспечил им не только достаток, но принадлежность к образованному сословию. Круг образованных людей, с которыми Прозоровы могли бы водить знакомство, не так уж мал. Семья живет не просто в провинциальном, но губернском городе.

В крупных провинциальных городах России конца XIX века культурная жизнь была довольно насыщенной. В городе обязательно был театр, который сдавали антрепренерам, летом гастролировали столичные актеры, организовывались кружки, библиотеки, ставились любительские спектакли, издавались газеты.

Конечно, иногда такая деятельность граничила с дилетантизмом от культуры и просвещения, была просто любительщиной. Но, судя по мемуарам, жизнь в таких городах, как Казань, Одесса, Пермь, Харьков, Томск, Иркутск, Ярославль, совсем не была мертвящей и однообразной. Многое зависело от человека и его внутреннего настроения, чему свидетельство – упомянутое письмо Петра Перцова.

Младший брат Чехова, Михаил Павлович, в середине 1890-х годов служил в уездном городе Углич. Скучал здесь и жаловался в письме к своему покровителю, издателю А.С.Суворину: «Уже пять лет я на службе, но самые лучшие годы моей жизни протекли в такой глуши, о которой можно вспоминать, как о кошмаре. Если бы я умел играть в карты или пить водку, быть может, я и удовлетворился бы такой

жизнью. <...> Я всё чаще и чаще задаю себе вопрос, зачем я окончил курс в университете, для чего я знаю языки, для чего мне открыто кое-что и природой и воспитанием? <...> Дорогой Алексей Сергеевич, переведите меня, куда вам угодно <...>». Влиятельный Суворин «перевел» образованного чиновника в губернский город Ярославль.

Этот город насчитывал в конце XIX века свыше 70 тысяч жителей и был промышленным центром. В нём, помимо высшего учебного заведения (Демидовский юридический лицей), было 8 средних школ, одна мужская и две женские гимназии, кадетский корпус, духовная семинария, три духовных училища. Существовала музыкальная школа, выходили несколько газет. В городе еще были – краеведческий музей, шесть библиотек, народные читальни, книжные лавки, известный на всю Россию городской театр. Существовали многообразные общества: любителей конского бега, садоводства, трезвости, любителей драматического и музыкального искусства, спасения на водах.

Поначалу М.П.Чехов был счастлив и хвалил Ярославль. Он усердно служил, писал рецензии в местную газету, участвовал в общественной жизни, получал награды. Однако прошло не так много времени и он начал очень литературно, словно подражая штампам расхожей беллетристики, сетовать на провинциальную жизнь: «Уже четвертый год как я – начальник отделения... Но отчего это всё в моей службе кажется мне пустяками и чепухой? Что-то в ней есть несе-

рѣзное. Одним словом – не то». Таким образом, дело даже не в Ярославле или Перми, но в представлении о себе, своем предназначении и надежде, что кто-то – случай, покровитель, чудо, – изменят судьбу к лучшему.

~ ~ ~

Есть еще одно печальное следствие воспитательной методики Прозорова – штудирование и муштра вовсе не пробудили в его детях тягу к новым познаниям, Скорее, наоборот.

Если сёстры еще надеются, что их брат Андрей (по желанию папы) сделает карьеру учёного и даже станет профессором, то для себя они не мыслят никакого дальнейшего образования. Хотя девяностые годы конца XIX века открывали для женщин новые возможности в этой сфере.

Амбициозные барышни, окончившие гимназию, брали судьбу в свои руки. Самые целеустремленные уезжали за границу, чтобы продолжить образование в европейских университетах. В любимой Прозоровыми Москве в 1872 году открылись Высшие женские курсы (курсы Герье), которые посещала, например, сестра Чехова, Мария.

В Петербурге в 1878 году начали работать Бестужевские курсы, имевшие физико-математическое и словесно-историческое отделения. На словесно-историческом отделении преподавали богословие, логику, психологию, историю древней и новой философии, историю педагогики, теорию эмпи-

рического познания, историю литературы, русский, латинский, французский, немецкий, английский языки и один из славянских языков. Программа курсов была университетской и длилась четыре года.

К концу XIX века подобные курсы были открыты в Киеве, Казани. Там преподавали и читали лекции профессора университетов, знаменитые ученые. Экзамены на курсы сдавать не требовалось, нужны были лишь аттестат о среднем образовании и свидетельство о политической благонадежности.

В начале деятельности, например, Бестужевских курсов, выдерживался сословный признак. Почти 70 процентов принятых учениц были детьми военных и гражданских служащих. Так что в данном случае дочерям генерала не пришлось бы преодолевать никакие социальные или сословные препятствия, они оказались бы среди сверстниц своего круга.

«Бестужевка» баронесса Мария Мейендорф, поступившая учиться в 1893 году, так пишет о своих сокурсницах, их настроениях и целях: «Что представляла собой эта собравшаяся молодежь? Число желающих получить высшее образование было велико. Гимназий, то есть средних учебных заведений, было к тому времени много, и удовлетворить их всех не было возможности, и вот, как правило, принимались только медалистки, то есть девушки с головой, с мозгами. Всякий орган человека требует своей пищи, как желудок требует своей пищи в прямом смысле этого слова, так мускулы требуют движения, легкие – воздуха, а мозг алчет

знаний и мыслей. Возможность обогатиться знанием – вот та первая и бескорыстная цель, которая собрала моих товарок в столицу. Была и другая: по окончании курсов легче было получить место преподавательницы или найти службу <...>».

Кроме того, блестящее знание иностранных языков открывало сёстрам Прозоровым возможность слушать лекции в европейских университетах. Однако ни Ольга, ни Ирина не только не испытывают желания как-то продолжить своё образование, но даже не допускают мысли об этом. Более того, они тяготятся своими знаниями.

~ ~ ~

Свой интеллектуальный багаж они дружно и почти в один голос оценивают не просто как ношу, излишество, но даже как уродство. *«В этом городе знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный прида-ток, вроде шестого пальца. Мы знаем много лишнего»*, – сетует без толики кокетства Маша в первом действии.

Словоохотливый Вершинин в ответ раздражается монологом о том, что нет и не может быть такого скучного и унылого города, в котором был бы не нужен умный, образованный человек, что среди ста тысяч населения этого города, конечно, отсталого и грубого, таких, как Прозоровы, только три, но что в будущем такими, как Прозоровы, станет большинство людей. Услышав утешительные слова об избранности,

скачавшая до той минуты Маша решает остаться завтракать. А Ирина со вздохом добавляет, что слова Вершинина следовало бы записать.

Рассуждения об избранности образованного сословия Прозоровы вполне могли слышать от отца. Особенное предназначение (своё или близких) – это морок героев пьесы, предшествующей «Трёх сёстрам» – «Дяди Вани».

В повести «Моя жизнь» провинциальный бездарный архитектор Полознев, считающий себя вправе бить взрослого сына по щекам, одновременно толкует ему о том, что есть божий, святой огонь. Это отличает образованного человека от осла или от гада и приближает его к божеству: «Все Полозневы хранили святой огонь для того, чтобы ты погасил его!»

Кажется, что «святой огонь» в доме Прозоровых если не чадит, то уже едва горит. Андрей планирует перевести за лето *«одну книжку с английского»*, однако с удовольствиям предаётся двум занятиям: игре на скрипке и выпиливанию рамок лобзиком. Маша пребывает в «мерлехлюндии» и почти открыто пренебрегает мужем. Ольга грезит как о счастье о возможности не ходить на службу и побыть дома. Ирина рассуждает о физическом труде и не знает, куда деть себя.

В первом действии именинница Ирина произносит жестокую, удивительную по своей силе фразу о прошлом, которая чаще всего остается в тени внимания режиссеров и исполни-

телей. Тогда как звучит это не менее разоблачительно, чем «*Зачем вспоминать!*»

В ответ на признания Тузенбаха в любви и слова о том, что «жизнь кажется прекрасной», она вдруг начинает плакать. И отвечает с горечью: «*Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У нас, у трёх сестёр, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава...*»

Эта фраза – своеобразный ответ на вопрос, отчего Ирина не хочет вспоминать. В ней скрытое обвинение прошлому – своему детству, отрочеству и юности. Причем говорит она обо всех трёх сёстрах. Выходит, что они еще не жили, что всё, чем отец наполнил их жизнь, было сорной травой. За всю пьесу ни у одного из детей не найдется счастливого, радостного воспоминания об отце. Хотя и мать они вспоминают очень редко. О ней мало что известно. Неясно, когда она умерла и насколько хорошо её помнят дети. Тогда как отец, с его занятиями, присутствовал в их жизни каждодневно, постоянно, настойчиво.

~ ~ ~

Тема сиротства – одна из важнейших во всем творчестве Чехова. Его герои нередко лишены именно материнского участия. Чехов берет такую житейскую ситуацию, в которой усиливается отцовский деспотизм. Деспотизм, равнодушие

родителей к потребностям и чувствам своих детей – лейтмотив, поражающий своим постоянством и, безусловно, его истоки – в детстве самого Чехова.

Отца писателя, купца третьей гильдии, трудно назвать деспотом. Его домашнее тиранство, вера в дисциплину, проистекали скорее из желания показать и доказать хотя бы тем, кто слабее его, свою значительность и силу. С теми, кто был выше рангом, чином или званием, отец писателя был неизменно почтителен и даже искателен. Их он почитал людьми высшими и особенными. В своем же маленьком мирке, состоявшем из жены и шестерых детей, всё должно было подчиняться его разумению, желанию и воле.

В силу разных причин добрые и дурные качества Павла Егоровича Чехова развернулись сполна не в профессии лавочника. Не на славном поприще регента церковного хора. Но в роли особого отца, как она ему виделась – наставника, ментора и кладезя житейской премудрости. За постоянные поучения и внушаемые «правила» и «порядок» жизни сыновья прозвали отца «Новейший самоучитель».

Во всех биографиях Чехова есть описания того, как дети должны были подменять отца в лавке, не только по необходимости, но и для вящей пользы, познавая каждодневный труд. Или участвовать в многочасовых спевках церковного хора и службах, во имя труда духовного. Павел Егорович считал, что бесконечные нравоучения, равно как и физические наказания, способствуют воспитанию, и порол детей во имя их

же блага. Уже взрослому Чехову принадлежат неутешительные слова, не заглушенные целительной памятью: «В детстве у меня не было детства».

Ирина говорит по сути то же самое, хотя в её детстве и отрочестве не было ни сидения в холодной лавке, ни позора банкротства отца, ни мещанской бедности.

«Я прошу тебя вспомнить, что деспотизм и ложь сгубили молодость твоей матери, – напишет Чехов старшему брату Александру под впечатлением того, как тот обижает своих домашних. – Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать». Деспотизм и глухота к ближнему – качество, вызывавшее к жизни новые и новые сюжеты Чехова.

Если под этим углом зрения попытаться перечитать многотомное собрание сочинений и писем Чехова, то картина предстанет поистине удивительная. За несколькими исключениями (равнодушный к матери лакей Яша в «Вишнёвом саде», Аксинья в повести «В овраге»), родители виновны перед своими детьми – в себялюбии, немилосердии, сердечной глухоте. Мисаил и Клеопатра Полозневы и их жестоковыйный отец-архитектор в «Моей жизни». Соня и красноречивый профессор Серебряков в «Дяде Ване», купец Лаптев в повести «Три года», отец Нины Заречной в «Чайке», чиновник Орлов и его маленькая дочь в «Рассказе неизвестного человека», Раневская и Варя с Аней в «Вишнёвом саде», родители Сарры в «Иванове». Последствия такого немилосер-

дия неизбежны и имеют решающее значение для судьбы героев. Страх исковеркал их.

Об этом прямо говорит Лаптев своей молодой жене в повести «Три года»: «Я помню, отец начал учить меня или, попросту говоря, бить, когда мне не было еще пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь, каждое утро думал прежде всего: будут ли сегодня драть меня?».

Характерно, что в мире Чехова «семейное угнетение» или пренебрежение чувствами редко вытекает напрямую из бедности или невежества. Отец Лаптева – богатый купец, мать Треплева – известная провинциальная актриса, отец Клеопатры и Мисаила Полозневых – преуспевающий городской архитектор.

Истоки семейного угнетения в пьесе «Три сестры» тоже – не в бедности или невежестве. Генерал Прозоров был обеспечен и ценил образование. Но все его дети несут в себе одну и ту же черту – раннюю сломленность чужой волей.

Название «Три сестры» таит в себе конфликт, так же, как и название пьесы «Дядя Ваня». Герой предпочел остаться вечным дядюшкой, милым родственником. Не позволив себе стать Иваном Петровичем Войницким. Сёстры Прозоровы также неразрывно связаны одной судьбой. Ни одна из них не может уехать в Москву без другой. Не оттого, что так велика семейная привязанность уже давно выросших людей. Но потому, что в каждой из них есть одна и та же черта –

страх самостоятельного, отдельного выбора. Ольга и Ирина ждут, что решение о переезде в Москву примет кто-то другой, а они лишь последуют за ним. Или же жизнь, истечение времени сами как-нибудь приблизят их мечтание.

Первое действие пьесы открывает последствие прошлого, в котором героям предстоит жить. Временный «праздник непослушания» этих выросших детей начался ровно год назад. Именины знаменуют его переломный момент.

Глава вторая

Дом Прозоровых, или... «у них попросту»

Нечасто «Три сестры» ставят на сцене без декорации, воссоздающей дом, эту своеобразную обитель не только героев, но всей драматургии Чехова. С домом связана сквозная тема – потери и изгнания. В «Иванове» дом будут колебать потрясения. В «Чайке» вторжение Аркадиной выбивает из колеи всех обитателей и множит потери. В «Дяде Ване» профессор Серебряков предложит «великолепный» план продажи имения для собственной вящей выгоды. Дом потеряют Прозоровы. В «Вишнёвом саде» зрителям явлен неизбежный исход из дома, знаменующий и конец театра Чехова, его последнюю пьесу.

Казалось бы, виновники, те, кто вторгаются или изгоняют – это свои, просто более эгоистичные, себялюбивые и равнодушные. Под это определение подходят и Аркадина, и Серебряков, и Наташа, и Раневская с Гаевым. А жертвы – это Войницкий и трудолюбивая Соня, сёстры Прозоровы, Аня и Варя.

Однако странный парадокс намечен в первой крупной пьесе Чехова, «Иванов». Потом он повторится в «Чайке». Владельцы усадеб как будто не знают, что делать со своим

домом и именем. Однако живут почему-то не в городе, а в той самой «деревне», которая им скучна и не интересна. В доме они совсем не чувствуют себя владельцами, господами: «<...> никогда в деревне я не жил, как хотел. Бывало, возьмешь отпуск на 28 дней, приедешь сюда, чтобы отдохнуть и всё, тут тебя как доймают всяким вздором, что уж с первого дня хочется вон <...>. Ну, а теперь я в отставке, деваться некуда, в конце концов. Хочешь – не хочешь, живи...», – жалуется Сорин в «Чайке».

Первое действие «Иванова» начинается с того, что хозяина имения третирует управляющий Боркин, требуя деньги на хозяйство и напоминая о выплате процентов. Боркин вьётся вокруг вялого Иванова, подобно Мефистофелю, предлагая самые фантастические и рискованные планы обогащения: «Голубчик, Николай Алексеевич, мамуся моя, ангел души моей, вы всё нервничаете, ей-богу, ноете, постоянно в мерлехлюндии, а ведь мы, ей-богу, вместе черт знает каких делов могли бы наделать!». В этом диалоге непонятно даже, служит ли Боркин у Иванова или наоборот.

В «Чайке» громогласный управляющий Шамраев уже не уговаривает и не строит планы. Он распоряжается по своему усмотрению. Усмотрение это весьма плачевное: «пчелыдохнут, коровы тожедохнут». Хозяин имения, Сорин, настолько нездоров, что близкие постоянно пребывают в страхе, что с ним может случиться сердечный приступ. В болезни Сорина Шамраев, конечно, не виноват, хотя слабость владельца

имения использует весьма умело.

После очередного скандала, когда управляющий отказывается дать лошадей, чтобы ехать в город, Сорин кричит: «Невыносимый человек! Деспот!». Эта трагикомическая перебранка напоминает не отношения нанимателя и управляющего, но семейную сцену. Она повторяется время от времени и исхода из неё нет. Именно поэтому свидетель таких безысходных домашних свар – доктор Дорн, философически замечает Полине, жене Шамраева: «Люди скучны. В сущности, следовало бы вашего мужа отсюда просто в шею, а ведь кончится тем, что эта старая баба Петр Николаевич и его сестра попросят у него прощения. Вот увидите!». В такой ситуации, когда владелец имения просит прощения у зарвавшегося управляющего, трудно сопереживать Сорину. Очевидно, что грубиян, «бурбон, монстр», подобный Шамраеву, не мог не появиться в его имении.

~ ~ ~

История дяди Вани, Ивана Петровича Войницкого, дает удивительную картину того, как знатный и богатый дворянин не просто отказался стать хозяином, но еще себя превратил в слугу, в управляющего. Об этом расскажет сам Войницкий, когда притязания его бывшего кумира, Серебрякова, на уклад, сложившийся в доме, и собственно на весь дом, приведут к предложению продать имение. В третьем дей-

ствии Войницкий кричит: «Двадцать пять лет я управлял этим имением, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик».

Войницкий действительно жил на нищенское жалованье безрадостной жизнью и работал, как приказчик, не беря себе заслуженного вознаграждения. А между тем Иван Петрович, чья скудная событиями жизнь свелась к заботам о постном масле и гречневой крупе, – сын тайного советника и сенатора. Звание члена Правительствующего Сената относилось к высшим почетным званиям Российской империи. Сенаторами могли быть министры и товарищи министра. Согласно табели о рангах, звание тайного советника в девятнадцатом веке принадлежало к третьему классу и могло быть приравнено к генеральскому.

Вся семья Войницких (и в этом одна из главных загадок «Дяди Вани») в полном составе пожертвовала своё огромное состояние на обеспечение жизни и деятельности сына дьячка, вчерашнего студента. Хотя Серебряков для круга, к которому принадлежали жена и дети сенатора, был плебеем и бедняком из низшего сословия. Однако, красавица-сестра Войницкого обожала своего мужа бесконечно. Мать Ивана Петровича любит своего зятя много больше своих детей и предана ему абсолютно и слепо.

А главный герой пьесы отказался от своей доли наследства в пользу сестры. После этого (очевидно, в качестве приданого) было куплено огромное имение. Оно стоило 95 ты-

сяч. Только в господском доме этого имения – двадцать шесть комнат. Отец Войницкого уплатил за него семьдесят тысяч, и «осталось долгу двадцать пять тысяч».

Работая, «как вол», Иван Петрович Войницкий за 10 лет выплатил эти двадцать пять тысяч. Для сравнения, совсем небольшая усадьба Мелихово стоила Чехову при покупке 13 тысяч рублей. Но даже этой суммы у писателя не было целиком, поэтому деньги он выплачивал по частям, заложив купленное имение в банк.

Дядя Ваня упрекает Серебрякова, что тот платил ему нищенские деньги, 500 рублей в год, и ни разу не догадался прибавить хоть рубль. Это действительно небольшая сумма. 300 рублей в год составляла зарплата сельского учителя.

Ныне у Войницкого нет никакой собственности, он разочарован итогами прожитой жизни и ненавидит бывшего кумира, которому пожертвовал всем. Однако в конце пьесы покорно подтверждает, что будет и дальше работать на Серебрякова и что тот будет исправно получать все деньги. После всех бурь, скандалов, выстрелов пьеса кончается тем, что Соня и её дядя сидят со счетами. Соня, как будто забыла, что после смерти матери имение принадлежит ей одной. Она согласна по-прежнему, как экономка, трудиться на благо отца.

~ ~ ~

Вопрос об укладе, сложившемся в доме, о хозяине, кото-

рый не может или не хочет быть таковым – один из важнейших в объяснении грядущих катастроф домов, усадеб, имений и их обитателей. Он был очень важен и для Чехова. С ранней юности, он взвалил на себя семейный «клобок» и зарабатывал деньги на содержание отца, матери, сестры, даже братьев. Освободиться от этого «клобка» он был не в силах.

Банкротство отца и бегство родных в Москву сыграли решающую роль в том, что Чехову пришлось стать опорой семьи. Мотив возможного разорения и бегства вплетен в сюжеты всех чеховских пьес. Как и в случае с семьей самого Чехова, виновными в разорении семейного дома оказываются не чужие «злодеи» или «обманщики», но прежде всего сами хозяева.

Парадоксально, но во всех пьесах Чехова владельцы имения не только не чувствуют себя хозяевами. Они даже отдают свою собственность, источник их материального благополучия, на откуп по сути случайным и бездарным людям, подобным Боркину и Шамраеву. Иванов, Сорин, Гаев – не хозяева, они не способны установить в своем доме свой порядок.

~ ~ ~

Но так ли важен этим странным «хозяевам» порядок, ритуал, обиход, на которых базируется течение обыденной жизни? На первый взгляд может показаться, что Прозоровы его

ценят и придерживаются. Пьеса начинается эпизодом имени Ирины.

В доме собралось много гостей, что, казалось бы, естественно.

Однако из ремарки ясно, что сейчас утро, *«в зале накрывают стол для завтрака»*. И собственно гостей ждут только к вечеру, когда и должно быть празднование.

Однако кроме обитателей дома – Ирины, Ольги и Андрея Прозоровых, Маши, её мужа Кулыгина – то есть семьи, в доме много не то что чужих, но посторонних. Складывается впечатление, что гости к Прозоровым приходят даже без особого приглашения – хотя это дом генеральских дочерей.

Чего стоит хотя бы их неизменный «домовой», доктор Чебутыкин. Он не просто гостит, но снимает квартиру в доме Прозоровых.

Его постоянное присутствие в семейном кругу он объясняет тем, что Ольга, Ирина и Маша – это самое дорогое, что только есть у него на свете. И что ничего нет в нём хорошего, кроме любви к ним, *«если бы не вы, то я бы давно уже не жил на свете»*. Он говорит о себе: *«Мне скоро шестьдесят, я старик, одинокий, ничтожный старик...»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.